

Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 115 — 126.

Woman in Russian Society. 2025. No. 4. P. 115 — 126.

Научная статья

УДК 327:316.346.2

EDN: <https://elibrary.ru/chrroe>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.8

**«БАБА С ОТБОЙНЫМ МОЛОТКОМ»:
ЖЕНСКИЙ ТРУД В СССР В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОГО
АНТИКОММУНИЗМА ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

Олег Вячеславович Рябов^{1,2}, Татьяна Борисовна Рябова^{1,3}

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Россия

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru

³ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Анализируются репрезентации труда советских женщин в дискурсе американского антикоммунизма периода холодной войны. Источниками для исследования являются работы идеологов американского антикоммунизма, пропагандистские книги, выпуски (более 200) журналов *The American Legion Magazine*, *Freedom's Facts*, *Life*, *Look*, выпущенные в 1950-х гг. Среди дискурсивных стратегий, направленных на дискредитацию советской модели эмансипации, выделены обвинения советских властей в дефеминизации женщин, преднамеренном разрушении семьи, усугублении дискриминации женщин, принудительном характере вовлечения их в производство. Показано, что репрезентации труда работниц вносили вклад в конструирование негативного образа СССР, выступая ресурсом создания образа врага и способствуя реализации всех функций данного образа.

Ключевые слова: женский труд, холодная война, американский антикоммунизм, образ врага, имагология

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305-П «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США», <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

Для цитирования: Рябов О. В., Рябова Т. Б. «Баба с отбойным молотком»: женский труд в СССР в дискурсе американского антикоммунизма периода холодной войны // *Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 115—126.*

Original article

**“BABA WITH A JACKHAMMER”:
WOMEN’S LABOR IN THE USSR
IN THE DISCOURSE OF AMERICAN ANTI-COMMUNISM
DURING THE COLD WAR**

Oleg V. Riabov^{1, 2}, Tatiana B. Riabova^{1, 3}

¹ National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg,
St. Petersburg, Russian Federation

² Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, riabov1@inbox.ru

³ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes representations of Soviet women’s labor in the discourse of American anti-communism during the Cold War. The sources for the study are the works of American anti-communist ideologues, propaganda books, and issues (more than 200 in total) of *The American Legion Magazine*, *Freedom’s Facts*, *Life*, and *Look*, founded in the 1950s. Among the discursive strategies aimed at discrediting the Soviet model of emancipation, accusations against the Soviet authorities stand out, namely the defeminization of women, the deliberate destruction of the family, the exacerbation of discrimination against women, and the coercive nature of their involvement in production. The article shows that representations of female workers contributed to the construction of a negative image of the USSR, serving as a resource for creating an image of the enemy and facilitating the realization of all functions of this image.

Key words: women’s labor, Cold War, American anti-communism, images of the enemy, imagology

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-18-00305-P “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>.

For citation: Riabov, O. V., Riabova, T. B. (2025) “Baba s otboïnym molotkom”: zhenskii trud v SSSR v diskurse amerikanskogo antikommunizma perioda kholodnoi voïny [“Baba with a jackhammer”: women’s labor in the USSR in the discourse of American anti-communism during the Cold War], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 115—126.

Среди заметных явлений социальной рекламы постперестроечного времени — телевизионный ролик «Железнодорожницы» (1995) из серии «Русский проект», в котором снялись выдающиеся советские актрисы Нонна Мордюкова и Римма Маркова. Они предстают в образах вооруженных кувалдами железнодорожных работниц, которые до самой смерти вынуждены выполнять безрадостную, непосильную, тяжелую работу. Очевидно, цель этого ролика состояла в том, чтобы убедить аудиторию в полной несостоятельности социалистической модели. Стоит лишь отказаться от социализма, как исчезнет и непосильный женский труд.

Этот ролик стал одним из многочисленных приемов делегитимации советской системы, используемых во время перестройки и постперестройки, — наряду, например, с такими, как использование анекдотов про «кремлевских старцев» или мема «У нас секса нет». Особо отметим, что такие образы женского труда выступали способом символической демаскулинизации советских мужчин путем демонстрации их неспособности выполнять роль «кормильца и защитника», в результате чего женщины вынуждены заниматься несвойственным им изнурительным трудом. Тема освобождения женщин от тяжелой работы постепенно трансформируется в идею «возвращения женщины в семью», с избавлением ее от любой работы за пределами семьи. Эта трансформация получила освещение в работах многих исследователей политики в области женского вопроса в 1990-е гг. (напр.: [Attwood, 1990; Гошило, 1991; Воронина, 1993; Lissyutkina, 1993; Клименкова, 1996; Хасбулатова, 2005]). Вопрос, который не получил достаточного освещения, связан с изучением функционирования подобных идей в контексте холодной войны. Между тем перестройка и постперестройка — это время, когда внутривластные процессы (смена строя и распад единого государства, изменение отношений собственности и легитимация существенного имущественного неравенства) усиливались внешнеполитическими факторами (поражение СССР в противостоянии с западным блоком, возглавляемым США, который поддерживал перемены в советском/российском обществе). Значимой частью этих процессов было культивирование своеобразного мифа об Америке как нормативном образце для России во всех аспектах, включая гендерные отношения.

Антикоммунизм был важнейшей чертой американской пропаганды холодной войны; более того, антикоммунистический консенсус выступал краеугольным камнем американской идентичности названного периода. Это определяет фокус нашего исследования; оно направлено на анализ американских репрезентаций женского труда в СССР в контексте идеологических баталий того периода — пресловутой «борьбы за сердца и умы». Данные репрезентации мы рассмотрим в качестве элемента образа советской социальной системы в целом, в том числе проанализируем их роль в противопоставлении «своих» и «чужих» и в создании образа врага. Какие дискурсивные стратегии привлекались в антикоммунистическом дискурсе для репрезентаций труда советских женщин? Как эти репрезентации были связаны с образом «врага номер один» и как они использовались для решения задач холодной войны? Ответы на эти исследовательские вопросы предполагается найти на основе трех групп источников. Во-первых, это труды идеологов американского антикоммунизма: «Мастера обмана» (1958) директора ФБР Дж. Э. Гувера — работа, которую относят к числу наиболее влиятельных антикоммунистических произведений [Левин, Буранок, 2019], и «Голый коммунист» (1958) У. Скаузена, одного из руководителей ультраправого «Общества Джона Берча». Во-вторых, это книга «Что такое коммунизм?» (1955), которая представляет собой образец пропагандистской литературы, рассчитанной на самый широкий круг читателей. В-третьих, это вышедшие в 1950-х гг. публикации в журналах (проанализировано более 200 выпусков), включая такие, как *The American Legion Magazine*, издаваемый «Американским легионом» — одной

из наиболее антикоммунистически настроенных общественных организаций в США, *Freedom's Facts*, выходящий под эгидой Всеамериканской конференции по борьбе с коммунизмом, *Life* и *Look* — более умеренные издания, вполне, однако, поддерживающие антикоммунистический консенсус.

Дискурсивные стратегии американской пропаганды

Женский вопрос занимал важное место в «борьбе за сердца и умы» периода холодной войны [May, 1988; Riabov, 2017]. Для советской пропаганды успехи в достижении реального равенства полов служили иллюстрацией преимуществ социализма как системы [Хасбулатова, 2005]. При этом образ новой советской женщины конструировался при помощи противопоставления картинам положения женщин в странах капитала; репрезентации женского труда в США демонстрировали порочность американского образа жизни в целом. В числе тех недостатков, которые отмечали советские пропагандисты, — высокий уровень безработицы среди женщин, отсутствие социальных гарантий, более низкая заработная плата, тяжелые условия труда, а также сексуальные домогательства со стороны работодателей.

В свою очередь, американская пропаганда стремилась представить в качестве пороков те результаты социальной политики, которые советские бойцы идеологического фронта рассматривали как достижения в области обеспечения равенства полов. Рассмотрим дискурсивные стратегии, которые использовались в американской антикоммунистической пропаганде для дискредитации женского труда в СССР.

«Уничтожение женственности»

Первая стратегия заключалась в постулировании того, что широкое вовлечение женщины в трудовую деятельность противоречит естественному разделению общества на публичную и приватную сферы и ведет к уничтожению женственности. В качестве серьезной опасности для социума, связанной с вовлечением женщин в производство, репрезентировали их дефеминизацию. Между тем данная тема играла заметную роль в идеологическом противостоянии холодной войны: соперничество капитализма и социализма представлялось как борьба естественного с противоестественным [Sharp, 2000: 42—46]. Природе человека противоречит прежде всего сама идея отмены частной собственности; одним же из наиболее очевидных проявлений противоестественности политики «красных» как раз и считали то, что они якобы стремились разрушить естественный порядок отношений полов. По оценке М. Бреннан, взгляды среднего класса американского общества на труд женщин можно представить так: «Слишком деликатные, чтобы выполнять какую-либо “настоящую” (то есть оплачиваемую) работу, женщины должны были сосредоточиться на доме и семье, обеспечивая мужьям и детям надежную защиту от грязного и опасного мира промышленности. Согласно этой точке зрения, женщины использовали свое естественное моральное превосходство, чтобы уравновесить более агрессивные и греховные наклонности мужчин» [Brennan, 2008: 121].

Дефеминизация советских работниц — тема, которую широко эксплуатировала массовая культура США [Griswold, 2012; Спутницкая, 2023]. Например, тема деформации женственности занимала важное место в кинематографических образах советских женщин, которым приходится заниматься видами деятельности, свойственными скорее мужчинам [Рябов и др., 2023].

Деформация женственности работниц усугубляется, по мнению американских пропагандистов, тем, что в СССР им, как правило, навязывают занятия тяжелым физическим трудом. В «Мастерах обмана» высмеивается равенство в советском стиле: «На фабриках и в жилых домах будут созданы огромные кухни, чтобы женщины могли “свободно” работать на фабриках и шахтах наравне с мужчинами» [Hoover, 1956: 6]. Репортаж из Москвы, напечатанный в журнале *Life* в 1954 г., также содержит издевательские зарисовки трудовой деятельности советских женщин: «Это город, в котором женщинам посчастливилось буквально воплотить в жизнь все мыслимые мечты о равенстве с мужчинами. Повсюду можно увидеть, как они завоевали право карабкаться по высоким строительным лесам в качестве плотников, бурильщиков и штукатуров, право укладывать кирпичи и цемент в фундаменты и на улицы. Они обладают неоспоримой монополией на колоссальную работу по уборке московских тротуаров и улиц» [Hughes, 1954: 116—117].

Автор публикации во *Freedom's Facts*, сообщая, что подавляющее большинство советских женщин обречены на тяжелый мужской труд, подчеркивает, что «настоящее разоблачение коммунистического отношения к равноправию» происходит в области моды: «“Красные” утверждают, что у женщин в коммунистических странах так много важных обязанностей — работа по дому, на фабриках и фермах, соблюдение партийных предписаний и требований партийных собраний, что чрезмерная ухоженность может привести к пренебрежению своими обязанностями. В результате фасоны создаются скорее для того, чтобы подготовить женщин к мужской работе, чем для того, чтобы сделать их привлекательными» [How Reds appeal to women, 1955: 5].

В статье, опубликованной в журнале *Look* под названием «Женщины — второсортные граждане России», также сообщается о неженственных видах работы, которыми вынуждены заниматься представительницы прекрасного пола. Любопытно, что для создания негативного образа гендерных отношений в советском обществе используется легенда об амазонках, что связано, очевидно, с представлениями о неженственной внешности и характере этих персонажей античной истории. На первой странице статьи под рассуждениями о поругании женственности в СССР помещено фото статуи амазонки, подписанное: «Женственности отпущен короткий срок в России, где у женщин в руках отбойные молотки, а не губная помада» [Whitney, 1954: 117].

Образ «бабы с отбойным молотком» выступал эффектной иллюстрацией к значимым постулатам антикоммунистического дискурса: о неэффективности плановой экономики, о цивилизационной чуждости и отсталости коммунистической России, о противоестественности самого коммунистического проекта, наглядно проявляющейся в уничтожении традиционных форм разделения труда между мужчинами и женщинами и дефеминизации прекрасного пола.

«Разрушение семьи»

Еще одно следствие подобного «освобождения» женщин, по мнению американских пропагандистов, состоит в том, что в таких условиях женщины не могут надлежащим образом выполнять роль хранительницы семейного очага, что приводит к разрушению семьи. Как отмечается в документах Информационного агентства США (USIA), деятельность которого была направлена на пропаганду американского образа жизни за пределами Соединенных Штатов, женщины в странах Восточного блока «имеют право работать в угольных шахтах, в ночные смены, на тяжелых работах. Они могут делать все, о чем никто в свободной стране не попросил бы женщину. Есть только одна вещь, которую они не могут делать. У них нет времени растить своих детей, обеспечивать свой дом и принимать участие в общественной жизни, потому что они слишком устают для этого» (см.: [Belmonte, 2008: 138—139]). Между тем именно в приватной сфере, дома и в области воспитания молодежи видели истинное предназначение женщины в американском антикоммунизме (как замечает, например, глава Американского легиона) [Gleason, 1958].

Следует подчеркнуть, однако, что, по утверждениям идеологов американского антикоммунизма, советские власти преднамеренно удерживают заработную плату мужчин на очень низком уровне, чтобы заставить женщину работать на производстве в течение всего дня, уделяя значительно меньше внимания семейному очагу. Это объясняется тем, что Коммунистическая партия рассматривает семью как соперника, который защищает индивида от тотального контроля со стороны государства. Идея о том, что последователи Маркса хотят уничтожить семью, получила распространение в американском антикоммунизме еще во время так называемой Первой красной паники (1918—1920). Эта идея была влиятельна и в исследуемую эпоху маккартизма. Так, в «Голом коммунисте» среди целей деятельности «красных» автор называет и такую: «Дискредитировать семью как институт. Поощрять распущенность и легкость развода» [Skousen, 2007: 406]. В книге «Что такое коммунизм?» говорится: «Коммунисты, хорошо понимая, что их успех в значительной степени зависит от того, насколько им удастся завоевать преданность молодежи, прилагают гигантские усилия, чтобы отделить детей от родителей и дома. Государство вынуждает матерей работать весь день, чтобы занять их место. <...> Дети должны быть преданы коммунизму с самого первого дня. Никакой конкуренции со стороны семьи или дома не терпят; ребенок должен быть воспитан таким образом, чтобы без колебаний отречься от своей семьи» [Ketchum et al., 1955: 105]. В «Мастерах обмана» также утверждается, что в случае захвата власти в США «красными» дети будут помещены в ясли и специальные школы идеологической обработки [Hoover, 1958]. Это определяет и репрезентации советского детства в пропаганде США как безрадостного, полностью контролируемого государством, что получило отражение во многих видах массовой культуры (см., напр.: [Riabova, 2024; Белов, 2024]).

«Усиление дискриминации женщин»

Третья дискурсивная стратегия заключалась в том, чтобы показать несправедливость советской модели эмансипации. Идеологи антикоммунизма полагают, что вопреки утверждению советских источников в действительности право женщины на труд в советском стиле означает не ликвидацию неравенства полов, а, напротив, усиление его. Наиболее явно это обнаруживает себя в том, что начальниками являются представители сильного пола, между тем как женщины вынуждены выполнять тяжелую и менее квалифицированную работу. При этом «за небольшим исключением женщины отстранены от управленческих или административных должностей, от работы в важных партийных и государственных органах; карьера в медицине, юриспруденции и иностранной службе ограничена» [Ketchum et al., 1955: 179]. Некоторых женщин эмансипация сделала второстепенными руководителями в советской системе, но для подавляющего большинства женская эмансипация означает, что к их домашним обязанностям добавились кладка кирпича и подметание улиц [How Reds appeal to women, 1955].

Другое важное проявление несправедливости видят в «двойном бремени» советских женщин, вынужденных трудиться и на работе, и дома. В статье из журнала *Look* семейное разделение труда описывается так: «Мужчина, который нянчится с детьми, в России редкость» [Whitney, 1954: 119]. Иногда мужа помогают делать покупки, но ни один уважающий себя мужчина не будет готовить или мыть посуду [ibid.: 117].

«Двойное бремя» было особенно тяжким в силу непростых бытовых условий, характерных для советского общества. Факт государственной помощи женщинам в заботе о детях (бесплатные роддомы, ясли, медицинское обслуживание) иногда упоминается, однако акцент в репрезентациях жизни советской семьи смещается на жилищные условия. Отсутствие бытовой техники в доме и слабое развитие сферы бытового обслуживания — все это делает жизнь женщины крайне нелегкой [ibid.]. Это усугубляется огромными очередями. Очереди — излюбленная тема для насмешек при описании советских городов журналистами из США (например: «Москва — это город очередей. Москвичи стоят в очередях за всем, от кино и катков до получения обуви и багажа» [Hughes, 1954: 117]).

«Труд как повинность»

Наконец, четвертая дискурсивная стратегия базировалась на апелляции к главной ценности, которая была начертана на знаменах антикоммунизма, — свободе. Культ свободы занимал важнейшее место в идентичности американцев периода холодной войны [Saunders, 1999]; США были представлены в качестве лидеров «свободного мира», в то время как СССР — в качестве царства деспотизма.

По причине деспотизма политической системы труд является не правом женщин, а повинностью и наказанием; они лишены права выбора — государство заставляет их работать; «советские женщины были вызволены из рабства у собственных мужей только затем, чтобы попасть в рабство к государству» [How Reds appeal to women, 1955: 121]. То, что труд является для советских

женщин повинностью, нередко объясняется и демографической ситуацией — большими потерями СССР во время войны. Поэтому женский труд в Советском Союзе — это не столько предоставление женщинам свободы выбора того, чем они хотят заниматься, сколько острая потребность советского государства в рабочей силе [ibid.].

Репрезентации женского труда и образ «врага номер один»

Таким образом, репрезентации советского женского труда в СССР фактически выступали ресурсом создания образа «врага номер один»: все основные черты этих репрезентаций непосредственно связаны с представлениями о советском образе жизни в целом. Среди тех негативных сторон жизни в СССР, которые были призваны продемонстрировать эти репрезентации, отметим прежде всего отсутствие свободы — важнейшей ценности, во имя которой Америка, согласно пропаганде США, и вела холодную войну. Другой чертой образа «красной опасности» является утопизм коммунистического проекта, потому что женский труд противоречит незыблемым законам общества, извращая человеческую природу. Далее, значимым компонентом антикоммунистического дискурса холодной войны было обвинение советской системы в том, что коммунисты, вопреки своим лозунгам, построили общество, бесконечно далекое от справедливости и равенства; дискриминация женщин в СССР — еще одно наглядное свидетельство этого. Кроме того, данные о женском труде интерпретировались так, чтобы убедить аудиторию в лживости коммунистической пропаганды вообще: равенство полов в «советском раю» — очередная «потемкинская деревня». Наконец, исследуемые репрезентации преследовали цель продемонстрировать цивилизационную чуждость коммунистических идей Западу, засвидетельствовать варварство России и ее отсталость, касается ли это условий быта или уровня технологического развития.

Картины женского труда способствовали реализации тех функций, которые должен выполнять образ врага. Прежде всего это функция политической мобилизации. Образ врага эффективен лишь тогда, когда он генерирует ощущение серьезной опасности, угрожающей обществу в целом и его членам, их интересам и ценностям. Происходит секьюритизация женского труда; вопросы, связанные с семейной жизнью и отношениями полов, помогали на понятных примерах показать самой широкой аудитории, что может случиться, если коммунисты захватят власть в США. Между тем, по оценке М. Бреннан, одной только мысли о том, что белых женщин из среднего класса могут загнать работать на конвейер, было достаточно, чтобы вызвать у многих американок ночные кошмары [Brennan, 2008: 121].

Кроме того, это функция укрепления коллективной идентичности; исследуемые репрезентации вносили вклад в построение символической границы между «своими» и «чужими» и конструирование «Америки» как форпоста «свободного мира».

Далее, это функция легитимации власти и социально-политического порядка: политические оппоненты антикоммунистов в США, будь то «красные» (симпатизирующие СССР) или даже «розовые» (сторонники либеральной идеологии), были представлены в качестве тех, кто стремится эти опасные идеи воплотить в жизнь, придя к власти.

Затем, это функция легитимации насилия. Условия холодной войны с балансированием на грани глобальной ядерной катастрофы требовали показывать «врага номер один» так, чтобы оправдать возможное насилие по отношению к его гражданскому населению, лишить американцев сочувствия к врагу даже в случае применения оружия массового поражения. Для этого пропаганда США широко использовала практики дегуманизации, расчеловечивания противника [Riabov, 2020]. Условия жизни и труда в СССР рисовались таким образом, что в полной мере человеческими их назвать было сложно.

Наконец, это функция предсказания победы: враг должен быть показан слабым и комичным, обреченным на поражение. Занятия советскими женщинами несвойственными им видами трудовой деятельности высмеивались в различных видах массовой культуры США (например, во многих кинокомедиях: [Рябов и др., 2023]).

Заключение

Образ труда советских женщин в дискурсе американского антикоммунизма позволял затрагивать все аспекты женского вопроса и при этом трактовать негативные стороны положения женщины в советском обществе как показатель порочности самой советской системы. Этот образ связывался с такими темами, как равенство полов, социальная справедливость, цивилизационная принадлежность советской России, эффективность ее экономики, соответствие положений коммунистической идеологии законам природы и установлениям Всевышнего, и другими. В период холодной войны репрезентации женского труда выступали одним из приемов создания образа врага, способствуя реализации всех его функций: политической мобилизации, укреплению коллективной идентичности, легитимации насилия, легитимации власти и социально-политического порядка, предсказанию победы.

Список источников

- Белов С. И. «Враг интерактивный»: американские видеоигры 1980-х гг. как ресурс позиционирования «советского чужого» // История. 2024. № 2. С. 39—49.
- Воронина О. А. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток. Запад. Россия. [Б. м.], 1993. С. 205—225.
- Гоцило Е. Перестройка или «домостройка»? Становление женской культуры в условиях гласности // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 134—145.
- Левин Я. А., Буранок С. О. Книга «Мастера обмана» (1958) Дж. Эдгара Гувера как идеологическая основа концепции «Красной угрозы» и антикоммунизма в США // Научный диалог. 2019. № 11. С. 379—387.
- Клименкова Т. А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М.: Преображение, 1996. 154 с.
- Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.

- Спутницкая Н. Ю. Образ врага и метафоры холодной войны в киносказке СССР и героическом комиксе США 1960—1963 годов // Новый исторический вестник. 2023. № 2. С. 100—119.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 371 с.
- Attwood L. *The New Soviet Man and Woman: Sex-Role Socialization in the USSR*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1990. 263 p.
- Belmonte L. A. *Selling the American Way: U.S. Propaganda and the Cold War*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.
- Brennan M. *Wives, Mothers, and the Red Menace: Conservative Women and the Crusade against Communism*. Boulder: Univ. Press of Colorado, 2008. 208 p.
- Gleason J. S. Men are what their mothers make them // *The American Legion Magazine*. 1958. Vol. 64, № 5.
- Griswold R. L. Russian blonde in space: Soviet women in the American imagination, 1950—1965 // *Journal of Social History*. 2012. Vol. 45, № 4. P. 881—890.
- Hoover J. E. *Masters of Deceit: the Story of Communism in America and How to Fight It*. New York: Henry Holt and Co, 1958. 374 p.
- How Reds appeal to women // *Freedom's Facts*. 1955. № 3.
- Hughes E. J. A perceptive reporter in a changing Russia // *Life*. 1954. № 6. February 8.
- Ketchum R. M. et al. *What Is Communism?* New York: E. P. Dutton & Co., 1955. 192 p.
- Lissyutkina L. Soviet women at the crossroads of Perestroika // *Gender Politics and Post-Communism*. New York; London: Routledge, 1993. P. 274—286.
- May E. T. *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*. New York: Basic Books, 1988. 290 p.
- Riabov O. V. Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953) // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 19, № 1. P. 193—219.
- Riabov O. V. *The Red Machine: the dehumanization of the communist enemy in American Cold War cinema* // *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8, № 2. P. 536—550.
- Riabova T. B. «May There Always Be Sunshine!»: a symbol of childhood in Soviet and American Cold War songs // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. № 1. С. 16—25.
- Saunders S. *Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War*. London: Granta, 1999. 544 p.
- Sharp J. P. *Condensing the Cold War. Reader's Digest and American Identity*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2000. 232 p.
- Skousen W. C. *The Naked Communist*. C&J Investments, 2007. 449 p.
- Whitney J. Women: Russia's second class citizens // *Look*. 1954. № 26. November 30.

References

- Attwood, L. (1990) *The New Soviet Man and Woman: Sex-Role Socialization in the USSR*, Bloomington: Indiana University Press.
- Belmonte, L. A. (2008) *Selling the American Way: U.S. Propaganda and the Cold War*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Belov, S. I. (2024) "Vrag interaktivnyi": amerikanskiie videoigry 1980-kh gg. kak resurs pozitsionirovaniia "sovetskogo chuzhogo" ["Interactive enemy": American video games of the 1980s as a positioning resource of the "Soviet alien"], *Istoriia*, vol. 2, pp. 39—49.

- Brennan, M. (2008) *Wives, Mothers, and the Red Menace: Conservative Women and the Crusade against Communism*, Boulder: University Press of Colorado.
- Gleason, J. S. (1958) Men are what their mothers make them, *The American Legion Magazine*, vol. 64, no. 5.
- Griswold, R. L. (2012) Russian blonde in space: Soviet women in the American imagination, 1950—1965, *Journal of Social History*, vol. 45, no. 4, pp. 881—890.
- Goshchilo, Ye. (1991) Perestroika ili “domostroika”? Stanovlenie zhenskoĭ kultury v usloviakh glasnosti [Perestroika or “domostroika”? The Construction of womanhood under glasnost], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 134—145.
- Hoover, J. E. (1958) *Masters of Deceit: The Story of Communism in America and How to Fight It*, New York: Henry Holt and Co.
- How Reds appeal to women (1955), *Freedom's Facts*, no. 3.
- Hughes, E. J. (1954) A perceptive reporter in a changing Russia, *Life*, no. 6, February 8.
- Ketchum, R. M. et al. (1955) *What Is Communism?*, New York: E. P. Dutton & Co.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender politics in XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Klimenkova, T. A. (1996) *Zhenshchina kak fenomen kul'tury. Vzgliad iz Rossii* [Woman as a phenomenon of culture. View from Russia], Moscow: Preobrazhenie.
- Levin, Ya. A., Buranok, S. O. (2019) Kniga “Mastera obmana” (1958) Dzh. Ėdgara Guvera kak ideologicheskaia osnova kontseptsii “Krasnoĭ ugrozy” i antikommunizma v SShA [Book “Masters of Deceit” by J. Edgar Hoover as an ideological basis of the concept of “Red Scare” and anti-communism in the USA], *Nauchnyi dialog*, no. 11, pp. 379—387.
- Lissytukina, L. (1993) Soviet women at the crossroads of Perestroika, *Gender Politics and Post-Communism*, New York, London: Routledge, pp. 274—286.
- May, E. T. (1988) *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*, New York: Basic Books.
- Riabov, O. V. (2017) Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953), *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 193—219.
- Riabov, O. V. (2020) The *Red Machine*: the dehumanization of the communist enemy in American Cold War cinema, *Quaestio Rossica*, vol. 8, no. 2, pp. 536—550.
- Riabov, O. V., Belov, S. I., Davydova, O. S., Kubyshev, A. I., Riabov, D. O., Riabova, T. B., Smirnov, D. G., Sputnitskaya, N. Yu., Yudin, K. A. (2023) “Vrag nomer odin” v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voĭny [“Enemy number one” in the symbolic politics of the cinematographies of the USSR and the USA during the Cold War], Moscow: Aspekt Press.
- Riabova, T. B. (2024) “May There Always Be Sunshine!”: a symbol of childhood in Soviet and American Cold War songs, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 4, Istoriia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniia, no. 1, pp. 16—25.
- Saunders, S. (1999) *Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War*, London: Granta.
- Sharp, J. P. (2000) *Condensing the Cold War. Reader's Digest and American Identity*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Skousen, W. C. (2007) *The Naked Communist*, C&J Investments.
- Sputnitskaia, N. Yu. (2023) Obraz vruga i metafory kholodnoi voĭny v kinoskazke SSSR i geroicheskom komikse SShA 1960—1963 godov [The image of the enemy and the metaphors of the Cold War in the Soviet cinema tales and the US heroic comics (1960—1963)], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 100—119.
- Voronina, O. A. (1993) Zhenshchina i sotsializm: opyt feministского analiza [Woman and socialism: experience of feminist analysis], *Feminizm: Vostok. Zapad. Rossiia*, s. 1., pp. 205—225.
- Whitney, J. (1954) Women: Russia's second class citizens, *Look*, no. 26, November 30.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 17.10.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 17.10.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Россия; ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Россия; профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation; Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation).